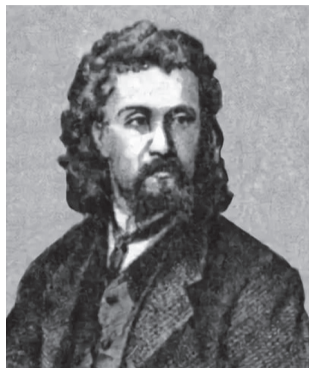




# ГАЛИЧИНА И МОЛДАВИЯ



В.И.Кельсиев (1835-1872)

В 37 лет оставил Василий Кельсиев эту землю. Вехи жизненного пути указывают на сильный беспокойный дух его в постоянных поисках и устремлениях к неизведанному и неизвестному, уход от уже узанного или разочаровавшего. Непрестанный поиск себя...

Называют поэты такое состояние: болящий дух.

Короткую феерическую жизнь, как в приключенческом романе, прожил Василий Кельсиев: он был журналист, переводчик, путешественник, этнограф, писатель, какое-то время - политический деятель.

Появился Василий на свет в 1835 г. в С.Петербурге. Десяти лет стал учеником Императорского коммерческого училища, где обучался на средства российско-американской компании. Говорил на 14 языках, понимал около 25.

В 23 года (1858 г.) обучавшая его компания отправила подготовленного специалиста Василия Кельсиева работать на Аляске. Но... Бунтарский дух увлек его в политику, революционную деятельность, необходимость переделать так несправедливо устроенный мир. Дух Кельсиева воспротивился спокойной далекой деятельности где-то на краю земли, и по сему без него растаял в лондонском тумане пароход, а бунтарь остался в Англии переделывать мир.

В Лондоне Кельсиев подружился с Герценом. В 1859 г. уведомил русского генконсула об отказе от русского гражданства. В России г-н Василий Иванович Кельсиев был объявлен государственным преступником за свою революционную деятельность.

Три года прожил Василий в Лондоне, печатался в герценовском "Колоколе", там же начал собирать материалы для будущего своего печатного труда о старообрядцах. Книгу эту "Сборник правительственных сведений о раскольниках" опубликовал в Лондоне в 1860 году.

Неудержимо влекомый беспокойным духом своим и неутомимой жаждой обязательного преобразования плохой жизни, отправился он по турецкому паспорту в Россию, где пробыл несколько месяцев, уехал, оставив тамшнее несовершенство в том же виде, вернулся в Лондон, но ведомый своим протестующим духом, покинул и несовершенную Англию, устремившись в иные европейские страны.

Путешествовал, писал путевые заметки и отсылал их в газету "Голос" в С.Петербурге...

Но иногда даже самый беспокойный дух нуждается в отдыхе и покое, хотя бы относительно, хотя бы временно, и поселяется Василий Кельсиев в Турцию, где проживали те самые старообрядцы в городе Тульче. Там Кельсиев основал колонию-коммуны и все еще горя нетерпеливым пылом революционных новшеств взялся за пропаганду в колонии. Но раскольники не загорелись его идеями, и оттого разочарования в революционных преобразованиях посетили и самого Кельсиева.

Вскоре случились и более страшные беды: скончался от тифа любимый брат, повесился единомышленник, а после отъезда из Турции один за одним умирают от эпидемии холеры жена и дети Кельсиева.

Василий Иванович снова посещает европейские страны, откуда посылает путевые заметки, очерки по этнографии и мифологии славян, в частности, русского населения Австро-Венгрии, печатает свои труды в изданиях на Родине: "Отечествен-

ные записки", "Голос", "Русский вестник". Его путевые заметки-письма регулярно печатаются в газете "Голос", а позднее, в 1868 г., из этих публикаций была составлена и напечатана самая знаменитая книга автора "Галичина и Молдавия". Идеи панславизма привлекают теперь Кельсиева. Может, ответ на жизненные вопросы именно в этом? Да, конечно. На время.

Но страждущему, ищущему себя духу все нет покоя. Да и могут ли земные реалии удовлетворить подобный дух?

В мае 1867 г. неугомонный Василий Кельсиев прибывает на пограничную таможенную между Бессарабией и Россией, заявив что он государственный преступник, готов сдать русским властям и понести наказание за свою былую революционную деятельность, от которой полностью давно отрезка.

Автобиографическую рукопись "Исповедь" Кельсиев отослал Императору Руси Александру Второму, который по прочтении оной даровал автору полное прощение и разрешение проживать в С.Петербурге, куда Кельсиев и прибыл, преодолев очередной психологический удар для всех эмигрантов: культурный шок после стольких лет китаний в поисках самого себя по столь разным городам и весям за русским кордоном.

В С.Петербурге Василий Иванович женился вторично, возвратился к литературной деятельности: сотрудничал со ставшими близкими его духу славянофилами, печатал очерки и романы об исчезнувшей далекой старине.

Его книга "Пережитое и передуманное" вышла в 1868 г., завершается она вот такими словами:

"Вопрос, зачем воротиться, был для меня ясен - мне хотелось быть между русскими, дышать русским воздухом, хоть бы в вечной тюрьме или каторге. Оставаться эмигрантом было физически невозможным - я бы с ума сошел, если бы не воротился... Мне тошно стало оставаться протестом против правительства, свершившего столько великих реформ, и, против убеждения, держаться за знамя, веру в которое потерял. Меня соест мучила, что я из постыдной боязни тюрьмы или ссылки не участвую в этом общем пире пробуждения государства, которое для меня дороже моей собственной личности.

Девять лет прожить в изгнании, среди всяких лишений и нравственных страданий - не улицу перейти!..."

Последующие пять лет жизни, видно, не привели дух Василия Кельсиева к искомой цели: обретению себя в этом мире. Уехать снова? Возвратиться - куда? Где искать ненаходимое? Апатия и, как очередной поиск выхода - алкоголь, своеобразное бегство уже не к себе, а от обанкротившегося себя, поставили точку в земной яркой жизни Василия Ивановича Кельсиева. А ищущий дух его продолжил свой путь в мире ином...

Наталья ГАТТАС

## ГАЛИЧИНА И МОЛДАВИЯ

Я не знаю, лучше ли бы ли я поступил, предав забвению эти письма, чем поступаю теперь, отпечатывая их отдельной книгой. Но знаю только то, что если бы я не перепечатал моих писем, то у нашей русской публики не было бы ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичине, об этом совершенно для русской публики неизвестном русском крае. Я был в нем тем, что называется на дальнем западе Америки, пионером, я дорогу проложил, пусть идет теперь по ней, кто хочет и пусть пишет о Галичине книгу дельнее и серьезнее моей. Я первый обрадуюсь тому, если этот забытый и забытый край русской земли вынырнет из омута неизвестности и из тины нелепого и безтолкового сочувствия. У нас сочувствуют Галичине, как сочувствуют всем славянам, не зная, о чем идет дело, не понимая ее болей, не зная ее скорбей.

## ЛЬВОВ

Город чрезвычайно красив и вымощен, как все австрийские города. Улицы большею частью прямая и недурная. Архитектура домов изредка напоминает краковскую, то есть, сте-

ны идут не по отвесу, а откосом, отчего каждый дом напоминает собою крепость и свидетельствует не то о неуверенности архитектора, не то о намерении сохранить дом для потомства на веки вечные. Много фонтанов и много статуй на улицах. Великолепный бульвар (вал) проходит по середине города, красивые площади (рынки) и порядочные отели. Вывески все по-польски, изредка по-еврейски и по-немецки, польский язык и польский говор всюду так преобладают, что проезжий может и не догадаться, что он не в Польше. Даже чернорабочие в городе - поляки, даже села кругом Львова - мазурская: прежнее правительство нарочно заселили мазурами (мазуры - жители юга Восточной Пруссии, потомки польских поселенцев - прим. сост.) окрестности города, чтоб распространить язык и веру господствовавшего в Речи Посполитой племени. Костелы очень хороши. Большею частью стоят они на местах русских православных и униатских церквей, им же досталась и большая часть русских церковных имуществ. Осмотрел я большую часть здешних русских (униатских) церквей - все невелики и все бедны, во всех слышится одна и та же жалоба на невозможность хоть немножко исправить обряд и на отсутствие всякой моральной и материальной поддержки со стороны правительства. Из России тоже ничем их не поддерживают по нашей робости и застенчивости, которой ни у одного народа и ни у одного правительства на свете нет.

В странный мир попал я и очень доволен, что попал в него. Не забережись я в эту глухую сторону, я никогда не слышал бы, как говорили Симеоны Полоцкие, Феофаны Прокоповичи, а здесь их язык - язык образованного общества, языка и литературы. Галичане страшно отстали от нашего литературного языка, множество здешних образованных людей не видело даже русской книги, написанной в России, не говоря уже о живом русском человеке, который сюда не едет, потому что норowitz более в Париж или в Ниццу... А все-таки эта Русь под австрийским скипетром прелюбопытная штука, и все-таки несмотря на малороссийский говор и архаизмы, есть о чем поговорить со здешними людьми.

Желание изучить и усвоить книжный язык видно у всех, а основывается оно на том, что история этого языка тождественна с историей русского народа, где бы он ни жил, и, как общий всем русским племенам, он один может иметь прочную будущность. Будь в Галичине возможность получать русские книги... через год наша литература обогатилась бы новыми писателями и новыми деятелями.

Есть здесь у русских ставропигийская лавра Успения Пресвятыя Богородицы, древность которой восходит к XIII веку. При ней замечательно братство в защиту от колонизации, существующее до сих пор, типография, книжная лавка. Лавра делает все, что может, для поддержания Руси: книги издает, ученые журналы, месячеловы, словом, все делает, но что только средств хватает. К братству ставропигийскому принадлежит почти каждый порядочный русский в Галичине: это я заключаю из "Альбума"- протокола братства с древнейших времен и поныне...

В канцелярии Ставропигии висят портреты неизвестных русских, снятые с гробов XVI века. Мужчины с чубами и усами, женщины в бризжатах чепцах, только одна простоволосая, должно быть, девушка, и, судя по портрету, замечательная красавица... Имена этих людей неизвестны. Портрет Зубрицкого висит там же: великого галицкого историка уже нет на свете - он умер глубоко оскорбленный нашею старою цензурою, которая за весь его многолетний труд в пользу русской науки и за всю его преданность России - не пропустила его истории Галичины, потому только - о доброе старое время! - что в истории этой он не признал Владимира Святого богатырем, чем его ни былины народные не признают, и чем его никто не считает... И из-за этих фраз, на которых ни один читатель и внимания бы не обратил, ученое сочинение, плод долгих и серьезных ис-

следований, не попадало в Россию, а прочие галицкие ученые руки опустили и не стали приниматься за большие работы, потому что Россия не может быть надежным сбытом для их произведений... Я видел у них множество сочинений, совершенно готовых к печати, но они боятся приступить к издержкам, потому что не уверены в возможности сбыта. Немцы их жмут, евреи грабят, поляки гонят. Все мало - надо нам было показать, что и наша копейка не щербата!

Книжная лавка маленькая, но в нее умещается вся галицкая литература, состоящая из маленьких книжечек, потому что большая ни у кого средств не хватает печатать. Русских изданий почти вовсе нет: наша почта и вообще пересылка книг как-то так ловко устроены, что не то, что никто из славян, но даже галичане, не могут добиться наших изданий, отчего, разумеется, наши авторы и издатели много теряют, а распространение наших идей и вообще всякому умственному общению с нашими братьями в Австрии положены преграды. Выпущенную книгу ждуть по году и по два, вместо двух рублей она обойдется в десять, да еще книгопродавец русский вышлет неполный экземпляр, с недочетом в листах: пусть, дескать, бракованный, заваливающий товар даром не пропадет... А тут поляки и французы кричат о русской пропаганде! Нечего сказать, нашли пропагандистов!

Есть Дом Народный во Львове, так и написано на нем русскими буквами: Дом Народный. На крыше приделан золотой галицкий лев, упирающийся в скалу... Дом Народный - слава и гордость галичан, очень велик: в четыре этажа и в девять окон в ряд. В 1849 г. Император Франц-Иосиф подарил своим верным русинам (die treue Ruthenen) развалины бывшего университета, разбитого во время бомбардировки. Мигом священники, чиновники, учителя, хлопцы сделали складчину и поставили этот дом, палладиум русской народности в Австрии. Последнее, что было, отдавали. Мне указывали одного старенького чиновника, который имеет всего 300 гульденов годового жалованья. Вся жизнь копил этот человек крейцеры себе не старость, 500 гульденов скопил, а стали делать складчину на русское дело, он их все отдал. Священники по 1,000 гульденов давали, оставляя дочерей своих без приданого. Мужики развязали свою тугую мошну - не было русского, который не принес бы своей посильной лепты в Дом Народный, этот вечный памятник русского патриотизма нынешнего поколения галичан... В этом Доме помещается русская гимназия, бурса для бедных учеников, матица и русская беседа с их клубом. Библиотека маленькая, только что заводится добровольными взносами.

Могу сказать, что я ни в одном клубе не встречал такого братства, равенства и свободы между посетителями, как здесь... все здесь равны. Их связывает одно чувство, одна мысль - что все они, без исключения, русские, что каждый шаг их должен быть в пользу Руси, и что каждый промотанный крейцер есть крейцер, украденный у народа русского. В среде этих людей волею-неволею более и более начинаешь любить Россию, ценить свои силы и понимать, что русский народ при всех его племенных особенностях и наречиях - один и тот же народ, несмотря на унию, на старообрядчество, молоканство, хлыстовство, на кацапство и на хохлачество.

Клуб заведен в первых числах ноября 1861 г., то есть вскоре после второго возрождения русского народного духа по поводу польского предприятия изменить русскую азбуку на латинскую. Не тронь поляки русской азбуки, галичане жили бы себе тихо и мирно. Но когда г. Дедицкий, нынешний редактор "Слова", бывший тогда в Вене, узнал о покушении поляков окончательно отрезать русских от мнимого влияния на них москалей, переменить азбуку и тем повредить их связь в русской церковью и с русской историей, он издал брошюру (1859 г.) "О неудобности латинской азбуки в письменности русской". Брошюра, как и все писанное этим замечательным галицким поэтом и публицистом,

чрезвычайно хороша. Строго и последовательно доказывал он в ней, почему славяне должны уважать свою азбуку, почему она удобнее путаной польской или безобразной чешской, писать которыми нужно гораздо дольше времени, чем русскою, потому что в русской нет ни лишней буквы, ни надстрочных знаков, опровергает мнение, что употребление латинской азбуки может сблизить русских с литераторами Запада - предлагает полякам читать Шекспира, не учась по-английски, так как польская азбука одна и та с английскою... Брошюра эта разошлась в числе 2,000 экземпляров, что очень много для маленькой Галичины. Зашевелились русские при виде опасности, явилась русская газета "Слово", и г. Дедицкий просил Вену, где он готовился в учителя, и сделался редактором "Слова", издавший предвительно огромный ученый и литературный сборник "Зоря Галицкая яко Альбум, на год 1860" - том в 560 страниц. Чего-чего нет в этом сборнике! Первые ученые Галичины г. Петрушевич, Головацкий, Белоус, Гушалевич, Желеховский, В. Ильницький, В. Ковальский, Кордасевич, М. Малиновский, Попель, А.И. Торонский, Цыбик, Шараневич, Ясинский внесли свои труды по истории и этнографии Галичины, первые поэты Галичины и даже Угорщины прислали свои стихи... Эта "Зоря Галицкая" должна быть настольною книгою каждого занимающегося изучением русской истории и русской народности. Появление ее произвело фурор. Подписчиков одних было 630, что чрезвычайно много, так как цена издания была довольно высока - три гульдена!

## ХЛОПЫ

Робок хлоп, смирен, как курица, этот хлоп кланяется низко - зарежет шапку в руку и все ее к земле и к нашим ногам подсовывает. Проходите мимо их - вскачат и побегут к вашей руке, так, ни с того, ни с сего, просто из подобострастия. Побитый, заданный, пьтсот лет пробиший под гнетом польской и своей шляхты, лишенный даже своей собственной истории, он помнит только татарщину и панщину, гнется в три погибели и, как все бессильные и безхарактерные, становится жесток и неумолим, если власть попадает в его руки.

Ходит хлоп, пьет, кланяется и ненавидит молча своих мучителей - поляков и евреев. У него одна мечта, одна мысль, одно стремление - избавиться от поляка и от еврея, и он ни за что приняться не хочет, ожидая, когда наступит этот желанный час... Найдись у них предводитель - не успеет правительство ахнуть, как ни поляков, ни евреев не останется в Галичине: так сильно насолит им паны и корчмары. Но предводителей у них нет, потому что нет ни у кого предприимчивости, потому что вместе они держаться не умеют. Самые их села поражают своим бесилием: там хата, тут хата, без общей улицы, без общего плана.

Нет русских агентов и русских империалов на помощь хлопам. Помещик поляк и чиновник немец гнетут его. Куда он пойдет? К кому?

А вот в селе у него два каменные здания: одно называется церковью, другое - корчмою.

И мрут с голоду хлопы, благодаря панам, евреям, да еще отеческой распорядительности чиновников-немцев! В следующем году будет опять голод, хоть нынешний и был урожайный - запасов ни у кого нет. Кривда, великая кривда царствует над хлопом в Галичине.

Хлебных магазинов нет по селам. Были они до французской войны, но тогда правительство забрало хлеб на войну, обещая вернуть его - и не возвратило. Чиновники большею частью немцы - такие же, как и везде. Немцы что за дело хлопотать о благе края? Разве для того он надел мундир.

Село все из крохотных бревенчатых хаток, вымазанных глиною и побеленных известью. Хлоп не строит себе кирпичных домов, он черезчур разорен податью в третью часть всего дохода, он в долги по уши влез корчмарю, который чуть ли не силой спаивает его с кругу - ему было бы

Продолжение на 7 стр.

Окончание. Наачало на 6 стр.

куда от дождя спрятаться, да где от морозу обогреться, он и тем будет доволен. Но в селе все-таки есть каменные постройки: это, прежде всего, детинец, то есть помещичья усадьба (вотчина), которая гордо сторонится от бедных хат, потом церковь и плембания (дом священника), но церковь и плембания сплошь и рядом остались еще деревянные, сохраняя и бревна и архитектуру времен Речи Посполитой.

Я видел очень много священников, я бывал в домах их, гостил у них по неделям и невольно пришел к заключению, что все они, даже самые робкие, самые плохие, в глубине души хоть завтра готовы принять православие и ждут не дожидаясь, когда Галичина станет русскою. Не всем я являлся как русский путешественник. Галичане, особенно старшее поколение, удивительно робки и запуганы, и не один из них побоялся бы принять в дом русского из-за кордона...

Пробуждение русской народности в Галичине возникло само собою, без всякого влияния или толчка со стороны нас, русских, живущих в России. До сих пор мы ровно ничего не сделали для поддержки русского элемента в этом, так мало известном нам крае Русской Земли, отрезанном ошибками прошлых поколений от русского государства.

В двадцатых и тридцатых годах нынешнего столетия связь между Галичиной и остальной Россией была совершенно порвана. То было время, когда славянские массы спали непробудным сном, и только в головах нескольких передовых людей зарождалась и вырастала идея о национальностях и о правах их на самостоятельное политическое существование.

Движение, охватившее славянство, не могло не отозваться на галичане. Галичане тогда уже совершенно забывали русский язык, т.е. не литературный, которого они никогда не знали, а даже свое местное - червоно-русское наречие. Польский, немецкий и латинский языки казались им единственными языками, заслуживающими какого-нибудь уважения, как языки, имеющие богатую литературу и способные выражать те глубокие мысли и те ученые предметы, для которых в червоно-русском наречии даже и слов не доставало... Все спало, все гложло, это была не жизнь, а какое-то прозябание, продолжение пятивекового сна народа, некогда жившего блистательно боярскою жизнью, кипевшего своего рода цивилизацией, опережавшего все другие русские земли своим образованием, но спомленному, забитого и подавленного тяжелой пятою Казимира Великого и его преемников. И вот в это-то затишье вдруг проникает слух о славянских народностях, об уважении к народностям, о красоте народной поэзии, о важности собирания народных преданий, поверий, о необходимости записывать народные обычаи, изучать народный костюм, народную литературу - и Галичина начала пробуждаться...

### ГУЦУЛЫ

Мысль о гуцулах засела у меня в голове, а с нею вместе охота съездить к ним и осмотреть на месте это загадочное племя, засевшее в Карпатах. По всем расспросам оказалось, что они большие мастера во всяких медных поделках, что все их украшения медные... Купит гуцул подсвечник или какой-нибудь медный лом, перельет его в топорец, насадит на палку и расхаживает с ним. Ни один гуцул-франт не выйдет на праздник без топорца...

Я совершенно понимаю, почему воображение горцев населяет горы разными духами: то карликами, то великанами, царями, заснувшими в глубоких пещерах, неведомыми властителями черных рощ, утесов, ручьев. В горах вы чувствуете себя неловко: что-то таинственное открывается перед вами. Лес тоже имеет свою таинственность, но вы знаете, что за деревом будет дерево, за кустом куст... В горах совсем другое: по мере того, как вы поднимаетесь все выше да выше, каждый утес, каждый ручей скрывает за собою новую загадку. Может быть, пропасть, может быть, водопад. Что-то шумит впереди, а что там шумит, лес ли, водопад ли, ручей ли - разобрать нельзя. Камни прыгают откуда-то, точно их бросают какие-то невидимые руки, тут молодое крепкое дерево держится на краю обрыва, а подле него почему-то повалилось и повисло в пропасть другое, такое же молодое и такое же

крепкое дерево, как оно. Ни с того, ни с сего огромный камень лежит на скате, как он сюда попал? какая сила его бросила? почему он дальше не катится? если он скатился откуда-то с неведомых вершин? А потоки журчат да журчат, катя перед собой груды булыжника, дорога размыта, кое-где деревушки, но деревушки уже не те, которые на поле, как выражается гуцул о равнине: там группы хат в двехсти, подчас в триста, а не то в тысячу дворов...

Ни польское, ни молдавское правительства никогда серьезно не владели этими горами, одна Австрия сумела без шума, без войны покорить их, и вышли из них люди тихие и смиренные, такие, что если когда-нибудь эти горы достанутся во власть России, то составят гуцулы такой оплот для нашего государства, лучшего какого и желать нельзя.

Да, есть на свете горный хребет, Карпаты, населенный русским народом. Диким, сохранившим все языческие поверья нашей старины и искренно верующим, что есть людки (гномы - прим.сост.), что есть великаны, что есть горные духи, что не к добру стрекочет сорока, и что недаром черная ворона идет впереди стада. Ни один мифолог не забрался в эту трущобу, наши исследователи все люди кабинетные, которым тяжело дорога... и оттого сказка наша до сих пор объясняется нашими отшельниками науки только при помощи индийских и персидских сказаний, а никто не видит и никто не слышит, каким живым, жизни исполненным ключом, бьет у нас, на нашем востоке Европы арийская старина, и как цело у нас все, что утрачено западными народами...

### ЯССЫ

Яссы такой же молдавский город, как, например, Ковно - русский. Главную массу населения составляют евреи, поляки, немцы. Молдаване здесь только чиновники, небольшое число лавочников и простонародье.

Кроме горсти эмигрантов, которых здесь и пятидесяти человек не наберется, есть еще в Яссах несколько тысяч поляков и русских из Галичины и из Буковины, перебравшихся сюда для заработков. Это разные фабриканты, ремесленники, купцы, техники и тому подобные люди, которым не посчастливилось найти кусок хлеба дома. К ним же надо причислить огромное число женщин, преимущественно горожанок, которые постоянно переселяются в Молдавию для того, чтоб жить здесь экономками, ключницами, кухарками, горничными и, наконец, пополняя собою комплект известного рода заведений.

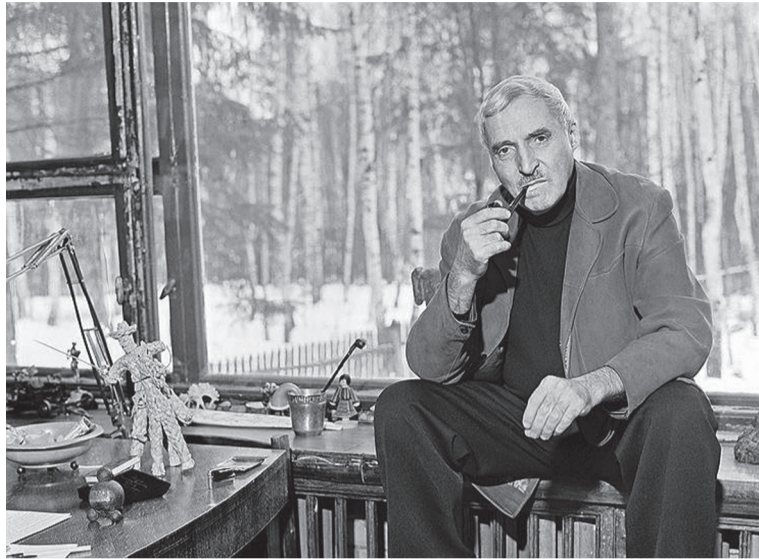
...Вековая привычка быть под чужеземными владычеством надолго лишила здешнюю массу всякого патриотического чувства и сделала ее крайне материалистическою. Маленькое племя, поставленное судьбою между сильными соседями, оно волею-неволею подчинялось то одному из них, то другому, так что отвыкли даже от мысли, что судьбы их зависят от них самих.

Фанариоты (этническая греческая элита в османской империи - прим.сост.) ничему не учили свои паствы - им было не до того: у них финансовые обороты и житейские карьеры сидят в голове. Да и, наконец, просвещать варваров, особенно варварское духовенство, значит отнимать кусок хлеба у своих детей. В немногих фанариотских школах изучают и до сих пор только Гомера, Софокла, Геродота, Платона и прочих классиков, а остальное все прах и суета. С фанариотской подготовки предки нынешнего поколения перевалили на французских гувернеров... Они тогда смелее приучали своих питомцев презирать все родное, все заветное - платье, веру, язык, предания отцов их...

... Светлые личности есть и здесь во всех сословиях и во всех званиях...



## СТАЛИНСКИЕ ДРАМАТУРГИ И ИНСЦЕНИРОВЩИКИ - МИЛЛИОНЕРЫ



В 1950 году секретарь ЦК ВКП(б) Михаил Сулов и председатель Союза писателей Александр Фадеев написали письмо Сталину об «извращениях в оплате труда авторов». Из этого письма хорошо видно, насколько баснословно высокими были заработки драматургов, композиторов, переводчиков и других высших творческих работников. Например, драматург Софронов в 1949 году получил 642 тыс. рублей, братья Тур — 759 тыс. рублей. Писатель Симонов получил процентных отчислений за четыре последних года 2 млн. 500 тыс. рублей; драматург Лавренев — 1 млн. 200 тыс. рублей.

Это письмо Сулова и Фадеева было отправлено 17 октября 1950 года и полностью оно называлось «О серьезных извращениях в оплате труда авторов за публичное исполнение их драматических и музыкальных произведений». Вот часть письма, в которой рассказывается о заработках творческой интеллигенции. Для лучшей ориентации в доходах того времени: средний заработок рабочеко в промышленности составлял 720 рублей в месяц, крестьяне же (55% населения СССР) и вовсе получали трудовни, фактически работая бесплатно (или за 50-100 рублей в месяц).

«Комиссия по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрела вопрос о серьезных извращениях в оплате труда авторов за публичное исполнение их драматических и музыкальных произведений и представляет на Ваше рассмотрение соответствующий проект постановления.

Оплата труда авторов драматических и музыкальных произведений складывается главным образом из процентных отчислений со сборов за публичное исполнение произведений.

Действующая в настоящее время система процентных отчислений предусматривает выплату драматургам, переводчикам и инсценировщикам за публичное исполнение их произведений 1,5% со сбора за каждый акт пьесы, идущей в театрах РСФСР, независимо от общего количества осуществленных постановок. В среднем за пьесу автор получает от 4,5 до 7,5% с валового сбора. Оперным композиторам в большинстве республик за 4-актную оперу выплачивается 5,25% от сбора, либреттистам — 2,75%; авторам симфонических и камерных произведений — 2%, авторам текстов и музыки массовых песен — по 1,5%. Такие отчисления авторы получают пожизненно, а после их

смерти отчисления в течение 15 лет получают наследники.

Существующая система авторских процентных отчислений введена инструкциями Наркомпросов союзных республик свыше 25 лет тому назад и в настоящее время устарела.

Установленное пожизненное (с правом наследования) процентное отчисление даёт возможность некоторым авторам получать в течение многих лет большие суммы гонорара за одно и то же произведение. Поактная же выплата гонорара приводит к тому, что авторы стремятся создать сценические произведения с возможно большим количеством актов, руководствуясь при этом не художественными соображениями, а интересами личной наживы.

Сложившаяся практика процентных отчислений приводила к непомерному обогащению отдельных драматургов, переводчиков и инсценировщиков. Так, драматург Бярянов за публичное исполнение написанной им пьесы «На той стороне» получил только в 1949 году около миллиона (920,7 тыс.) рублей процентных отчислений. Драматург Софронов в том же году получил 642,5 тыс. рублей, братья Тур — 759 тыс. рублей. Писатель Симонов получил процентных отчислений за четыре последних года около 2 млн. 500 тыс. рублей; драматург Лавренев — около 1 млн. 200 тыс. рублей.

Получая из года в год за исполнение своих произведений огромные суммы, некоторые авторы перестают работать над повышением своего мастерства и не создают новых высокохудожественных драматургических произведений.

Ещё большие извращения существуют в оплате труда переводчиков и инсценировщиков, которые получают процентные отчисления наравне с авторами оригинальных произведений. Так, переводчица Мингулина за перевод пьесы «Глубокие корни» в течение трёх последних лет получила 810 тыс. руб., Рубинштейн за переводы и перелетки венских оперетт — 670 тыс. руб., переводчица Зубова за перевод «Пигмалиона» Б.Шоу получила за последние четыре года 588 тыс. руб., переводчик Желябужский за инсценировку романа «Овод» получил бы единовременный гонорар даже по высшим ставкам не более 30-60 тыс. руб., вместо полученных им только в 1949 году 393 тыс. руб. авторских отчислений». (В 1951 году была принята новая система гонораров, о которой пишется в письме)

последние три с половиной года выплачено отчислений свыше 1 млн. рублей; Щепкиной-Куперник за переводы нескольких произведений Шекспира и Шиллера за последние четыре с половиной года выплачено в виде процентных отчислений около 1 млн. 300 тыс. рублей.

Переводами пьес, либретто опер и музыкальных комедий зачастую занимаются малоквалифицированные люди, во многих случаях даже не знающие иностранных языков. Пользуясь существующими старыми переводами, они вносят в них незначительные изменения и становятся авторами и соавторами произведений, получая большие суммы по процентным отчислениям. Эта группа авторов, не обладающая талантами и способностями к созданию оригинальных произведений и занимающаяся переделками переводов и инсценировками, зачастую низкого качества, ведёт паразитическое существование за счёт государства. Так, некий Архипов (Зайцев), не зная ни одного иностранного языка, получил крупные суммы за незначительные и ненужные переделки переводов пьес К.Гольдони «Слуга двух господ», «Трактирщица», пьес Шиллера «Коварство и любовь», «Разбойники» и других. Ежегодно выплачиваются сотни тысяч рублей процентных отчислений за небожественные переводы Е.Геркена, В.Эльтону, Л.Сегаль, В.Марковичу и другим халтурщикам и бракоделам.

При нынешней системе оплаты авторского труда не стимулируется также творчество в области оперной и симфонической музыки, т.к. оперные и симфонические произведения исполняются значительно реже, чем произведения лёгкой, развлекательной музыки. Вследствие этого, например, композитор Шостакович за созданное им высокохудожественное и художественное произведение — кантату «Песнь о лесах» получил авторских процентных отчислений за год только 144 рубля и 10 тыс. рублей за её издание, в то время как авторы лёгкой, развлекательной музыки получают большие суммы авторских отчислений.

При новой системе авторского вознаграждения драматургов и композиторов даже самые высокие заработки авторов не будут превышать 150-200 тыс. руб. в год за одну пьесу и 150-250 тыс. руб. в год за одну оперу. При новой системе ликвидируется уравниловка в оплате труда авторов оригинальных произведений и авторов переводов и инсценировок. Например, переводчица Мингулина, получившая по авторским отчислениям за три года за переведённую ею пьесу «Глубокие корни» 810 тысяч рублей, при проектируемой единовременной оплате получила бы от 10 до 30 тыс. руб. Инсценировщик Желябужский за инсценировку романа «Овод» получил бы единовременный гонорар даже по высшим ставкам не более 30-60 тыс. руб., вместо полученных им только в 1949 году 393 тыс. руб. авторских отчислений».

(В 1951 году была принята новая система гонораров, о которой пишется в письме)